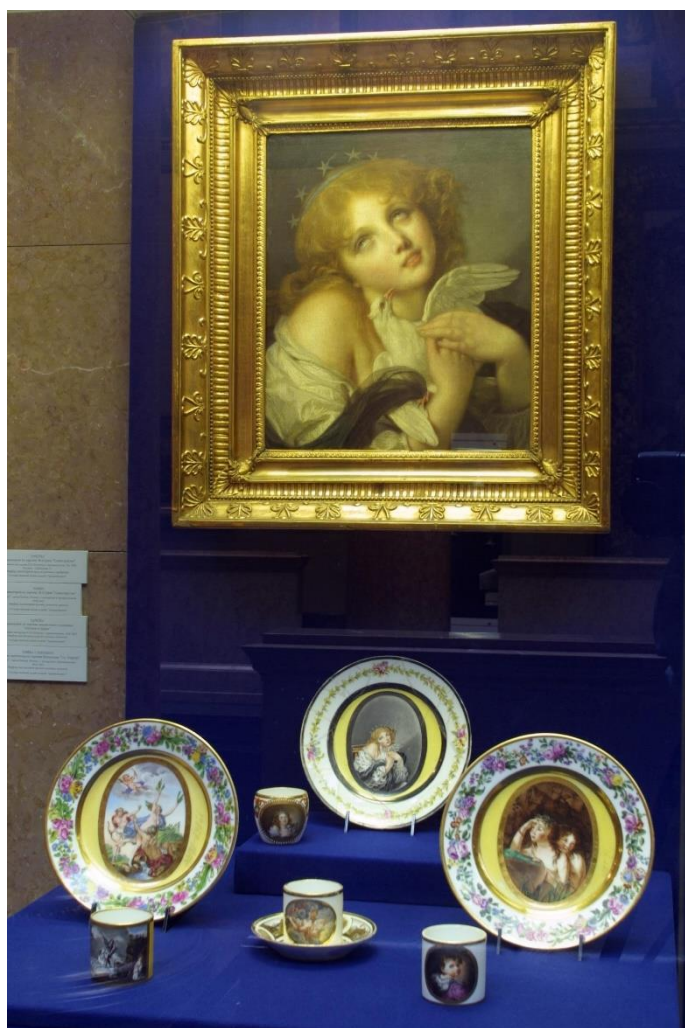

РАССКАЗ О ПОДГОТОВКЕ ВЫСТАВКИ «УЧЕНАЯ ПРИХОТЬ» (2001)
в ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА ее куратора, ведущего
научного сотрудника музея ЛЮБОВИ ЮРЬЕВНЫ САВИНСКОЙ

С середины 1990-х годов в ГМИИ им. А.С. Пушкина стали задумываться о серии выставок, посвященных коллекционерам, чьи собрания составляют музейные фонды. Давно занимаясь коллекцией Юсуповых, я предложила выставку, посвященную собранию Н.Б. Юсупова (1750–1831). Сначала планировалось выставить только ее живописную часть. В процессе обсуждения проекта, решено было представить коллекцию Юсупова как типичное универсальное собрание XVIII века, каким она в действительности и являлась. Название «Ученая прихоть» придумалось легко, его заимствовали у Пушкина

из стихотворения «К вельможе», посвященного Н.Б. Юсупову. Кроме ГМИИ организаторами выставки стали Государственный музей-усадьба «Архангельское» и Государственный Эрмитаж.

Ранней весной 2000 года сотрудник музея-усадьбы Н.Л. Бережная и я были командированы в Петербург. В тесном взаимодействии с сотрудниками Эрмитажа отбирались экспонаты будущей выставки. Кроме живописи, скульптуры, и юсуповского фарфора в списки попали

архитектурные чертежи, мелкая пластика из слоновой кости, французский фарфор, работы мастеров Китая и Японии, шпалеры, резные камни (геммы), табакерки, часы, художественная бронза и даже набалдашники тростей.

Отдел графики ГМИИ собрал для выставки раздел рисунка. Отдел редкой книги музея-усадьбы «Архангельское» готовил свою специальную экспозицию, под которую было решено выделить отдельный зал. К концу года, когда были сформированы списки экспонатов, стало ясно, что одной выставочной оси ГМИИ недостаточно, и под выставку решили отдать два больших зала постоянной экспозиции.

Весна 2001 года стала для нас с Н.Л. Бережной поистине жаркой. Уточнялся список произведений, собирались тексты для каталога, и велось его редактирование в издательстве «Художник и книга», но главное – началась подготовка экспозиции. Дизайнером выставки И.А. Антонова пригласила известного театрального художника Б.А. Мессерера. Он приезжал в ГМИИ и в Архангельское, смотрел экспонаты будущей выставки и залы дворца, находившиеся на реставрации в прямом смысле слова в разобранном до основания состоянии: со снятыми до лаг полами, голыми стенами с зондажами покраски. А затем началось самое интересное для нас время – подготовка экспозиционного плана. Борис Асафович решил делать план выставки в большом масштабе в своей мастерской. Знаменитой мастерской на Поварской 20, где размещается его уникальная коллекция граммофонов, а стены помнят лучших представителей артистического и литературного мира. В отсутствие мобильных телефонов о встречах договаривались заранее по городским, и не раз нашим связным становилась Белла Ахмадулина, супруга Бориса Асафовича и очень ответственный человек. Об этих незабываемых днях мне всегда будет напоминать надпись, сделанная Мессерером на книге его воспоминаний «Промельк Беллы. Романтическая хроника» (М., 2016): «Милой Любе с дружеским чувством и памятью о совместной работе в ГМИИ имени Пушкина! Борис Мессерер. 16 августа 2017».

Когда план экспозиции был готов, его большие листы с изображениями экспонатов и витрин надо было показать для утверждения И.А. Антоновой. Бумажный экспозиционный план едва уместился в зале Микеланджело. Ирину Александровну и других членов методического совета музея буквально водили внутри плана. Такого необычного просмотра экспозиции никогда больше в истории музея не повторялось.

Основным цветом экспозиции был выбран синий – глубокий, классический. Нужную ткань заказали на Купавинской суконной фабрике. Так, спустя два столетия эта когда-то юсуповская фабрика поучаствовала в подготовке выставки, посвященной ее бывшему владельцу.

Для осуществления одной, как тогда казалось, несбыточной мечты, организаторы выставки воспользовались высоким международным авторитетом И.А. Антоновой. Очень хотелось представить двух юсуповских Рембрандтов из Вашингтонской национальной галереи. Работы Рембрандта (1606–1669) «Мужчина в высокой шляпе и перчатках» и «Дама со страусовым пером в руке», созданные мастером в поздний период творчества в 1658–1660 годах – настоящие жемчужины бывшего княжеского собрания. Они были вывезены Юсуповыми после революции 1917 года из России и в 1921 году заложены американскому коллекционеру Виденеру, в 1924 году перешли в его собрание, в составе которого затем поступили в Национальную галерею Вашингтона. Ирина Александровна подписала этот смелый запрос, и начались долгие недели

ожидания и переговоров. Не последнюю роль в положительном исходе дела сыграло участие общества друзей ГМИИ им. А.С. Пушкина в Нью-Йорке и его президента Патти Кадби Бёрч, с которой Ирина Александровна поддерживала дружеские отношения.

По задумке театрального художника Мессерера залы музея должны были преобразиться в подобие дворцового пространства, напомнить об утраченных или забытых экспозициях дворца в Архангельском, стать «театральной сценой» для монументальных полотен Дж.Б. Тьеполо, которые решили привезти из Архангельского. Огромные полотна «Пир Клеопатры» (338х606 см) и «Встреча Антония и Клеопатры» (333х603 см) тогда уже были натянуты на экспериментальные металлические подрамники. Полотна нельзя было снимать с подрамников, нельзя было ставить вертикально. К тому же в Москве

не нашлось нужного размера климатического фургона для их перевозки. Пришлось уповать на хорошую летнюю погоду, Господа Бога и умение инженеров ГМИИ, которым удалось спроектировать и изготовить деревянную конструкцию, на которую под наклоном укладывалась и закреплялась картина, помещавшаяся в самый длинный трак с навесом. Акция по транспортировке проходила с позднего вечера до утра, в ночное время, когда московские дороги были менее всего загружены.

Для того, чтобы вынести картины из Колоннады в Архангельском, где они хранились, пришлось разбирать тамбур (спасибо главному хранителю Л.И. Гриневой). Зато наши опасения – сможем ли пронести картины в залах ГМИИ – оказались напрасными. Большого масштаба неоклассические пространства цветаевского музея легко приняли эти монументальные полотна.

Открытие выставки «Ученая прихоть» состоялось в ГМИИ им. А.С. Пушкина 30 июля 2001 года. Экспозиция впечатляла классической выстроенностью и удачными дизайнерскими находками, создававшими то пространственно-образное воспоминание о парковой аллее в Архангельском со скульптурами на постаментах в центре Белого зала, то напоминала о дворцовом интерьере – центральное место в апсиде зала заняли созданные по заказам Юсупова парные картины П.Н. Герена «Ирида и Морфей» (ГЭ) и «Аврора и Кефал» (ГМИИ) и полотно Ж.Л. Давида «Сафо и Фаон» (ГЭ). Соединенные вместе, как это было при Николае Борисовиче в 1820-е годы в так называемом Салоне Психеи (или Амуровой) во дворце в Архангельском, они составили потрясающей красоты композицию, которая с легкой руки эрмитажников получила прижившееся за нею название – «Юсуповский триптих». Еще одним удачным решением стал зал № 19. Он являлся центром экспозиции примыкавших к нему залов и своим оформлением напоминал восьмигранный Салон Юбера Робера

в Архангельском. Здесь были представлены четыре величественных вертикальных полотна этого художника 1779 года. Находясь в центре этой композиции, зритель получал возможность видеть главные экспонаты других залов – своего рода визуальные акценты, наиболее художественно ценные произведения.

В 2002 году выставка переехала в Государственный Эрмитаж. Организованная в Николаевском зале Зимнего дворца экспозиция открылась 8 февраля.

В Петербурге не экспонировались портреты Рембрандта и картины Тьеполо.

И в ГМИИ и в Эрмитаже выставка пользовалась заслуженным вниманием широкой публики и специалистов, отечественных и зарубежных историков искусства. Ее успех во многом вдохновил продолжение научных исследований и организацию выставок, посвященных коллекционерам, внесшим вклад в формирование собрания Пушкинского музея.